

Значимые аспекты актуальности выделены автором на базе полутора десятков проблем, изучение которых позволило создать качественно новую историю Черкесии. Влияние ландшафта и природно-географических условий на процесс генезиса АЭП, влияние масштабных природных факторов (пандемия середины XIV в.), не менее масштабных культурных, миграционных и демографических факторов (в первую очередь, вовлечение АЭП в систему черноморско-средиземноморской работорговли и военно-рабскую систему мобилизации египетских мамлюков), влияние фундаментальных геополитических факторов воздействия на генезис АЭП в лице глобальной монгольской экспансии двух последних третей XIII в., влияние евразийской Степи в целом, влияние Золотой Орды (Улуса Джучи) и постзолотоордынских государств, влияние средиземноморских государств (италийских торговых республик в первую очередь), а также определяющее воздействие на процесс генезиса АЭП двух растущих империй – Османской и Российской. Таков далеко не полный список факторов исследуемого процесса, который позволил автору выйти за рамки привычной и историографически давно освоенной проблематики этнической истории адыгского народа и перейти на уровень осмысления места и роли Черкесии в истории бурно развивавшейся части мира на стыке Азии, Европы и Африки.

Очевидной чертой актуальности рассматриваемой диссертации является отход от истории «племен» адыгского этноса и перенос внимания на историю и прослеживаемые закономерности в генезисе основной подсистемы АЭП этого периода – княжеского владения. Здесь автору удалось вполне, на наш взгляд, убедительно показать, что позднее хорошо описанные «племена» равнинной Черкесии были локальными сообществами, образованными в XIII–XVI вв. в результате длительного совместного проживания в рамках феодальных владений. Черкесия была не просто территорией расселения черкесов, но совокупностью феодальных владений, во главе которых стояли родственные династии, способные проводить координированную политику. Более того, в Черкесии существовал институт старшего князя, а золотоордын-

ские ханы (впоследствии – крымские), османские султаны и русские цари периодически наделяли верховными полномочиями управления всеми черкесскими владениями того или иного князя из жанеевских, темиргоевских или кабардинских княжеских династий. Единство Черкесии как политического пространства или как политической системы отлично продемонстрировано автором диссертации на примерах связей АЭП с Крымским ханством и Русским централизованным государством на протяжении XVI в.

С.Х. Хотко является признанным специалистом в области истории и исторической этнографии адыгов не только периода, которому посвящена его докторская диссертация, но и периода XVII–XIX вв. Будучи автором нескольких монографий и большого числа статей, он ввел в научный оборот российского кавказоведения значительное число источников, расширил историографическую базу. Ему принадлежит первое монографическое исследование по проблеме черкесского присутствия в мамлюкском Египте («Черкесские мамлюки», 1993), в рамках которого были синтезированы достижения российских и зарубежных кавказоведов и весьма внушительный свод литературы осmano-мамлюкского круга.

Характеризуя **научную новизну** диссертационного исследования С.Х. Хотко, отметим, в первую очередь, что таковая определяется методологическими основами, позволившими автору работы воссоздать наиболее полную картину этнополитической истории Северо-Западного Кавказа. Впервые ставится проблема генезиса АЭП в золотоордынский период. Совершенно справедливым является утверждение автора диссертации о том, что ранее «история домонгольской Черкесии (Зихии) и Черкесии XIV–XV вв. рассматривалась без уточнения тех важнейших гео- и этнополитических векторов воздействия, которые, на самом деле, кардинально изменили облик, размеры, демографический потенциал и военно-политический статус страны адыгов».

В ряду новационных положений диссертации находятся следующие тезисы: 1) Комплекс тезисов и наблюдений, касающихся генезиса феодальных владений АЭП – Хытука, Собая, Жанея, Кемиргоя (Кремука), Бесленея, Ка-

барды. В частности, крайне важным представляется подчеркнуть, что С.Х. Хотко выдвинуто положение об этнокультурной преемственности Кемиргоя XVI в. отношении Кремука XV в. Также автором впервые высказано предположение о том, что адыгское этнотерриториальное объединение Таманского полуострова под названием Хытук («остров», «островитяне»), зафиксированное Хан-Гиреем, существовало в XIII–XVI вв. в виде самостоятельного княжества. 2) С.Х. Хотко выдвинул целый ряд новых положений, описывающих характер исторического взаимовлияния Черкесии и кочевых государств. На основе собственной оригинальной концепции повторяющегося исторического сценария такого взаимодействия, автор создал убедительное историческое описание этнополитического сосуществования АЭП с тюркскими этносами Степи. 3) Комплекс наблюдений о характере генуэзско-черкесских отношений. Автор справедливо предлагает отказаться от такого определения как «генуэзские колонии на Западном Кавказе», на основе которого в историографии С.-З. Кавказа было принято выделять период генуэзской колонизации. Согласно С.Х. Хотко, генуэзцам не удалось основать ни одного поселения на черкесских землях, которое пользовалось бы правом экстерриториальности и не находилось бы в зависимости от местной княжеской власти. В этом вопросе С.Х. Хотко на адыгской почве развивает аргументацию П.М. Штрэсле, С.П. Карпова и некоторых других специалистов по проблеме контактов генуэзцев с народами Черного моря, но авторский вклад, тем не менее, весьма существенен в виду тщательного анализа источниковой базы. 4) Полностью новационным положением рассматриваемой диссертации является изучение влияния на процесс генезиса АЭП пандемии чумы 1346–1353 гг. (так называемая «Черная Смерть»). По наблюдению С.Х. Хотко пандемия нанесла значительный демографический урон Золотой Орде и остановила процесс татарской колонизации Восточного Приазовья. После того, как главный опорный пункт татарского влияния город Шакрак прекратил свое существование, регион остался на длительный период под контролем черкесов.

Кроме того, согласно С.Х. Хотко, Черная Смерть очевидным образом повлияла на историю государства мамлюков в Египте. В середине и второй половине XIV в. тюркские (кипчакские, татарские) мамлюки, ранее составлявшие большинство египетской армии, резко сократились в численности и поэтапно уступили господствующие позиции черкесским мамлюкам. 5) Значительный вклад С.Х. Хотко сделал в изучение проблемы черкесского присутствия в мамлюкском Египте. На протяжении 25-летнего периода работы над вопросами этой проблематики автору удалось сформировать уникальный корпус сведений, касающийся этнографического облика черкесских мамлюков и их связей с исторической родиной. Постоянный и весьма значительный отток молодого населения в Египет, по мнению С.Х. Хотко, отрицательно повлиял на генезис адыгского политического и культурного пространства. Вместе с тем, данные о черкесских мамлюках расширяют общую картину сведений об обычаях и культурных практиках населения Черкесии рассматриваемого периода. Автор проводит интересные наблюдения о связи феодальной верхушки Черкесии с Каиром в период правления черкесской династии Мамлюков (1382–1517). Так, основываясь на сведениях ал-Айни и ряда других источников, автор выдвинул обоснованное предположение о том, что черкесский султан ал-Муайяд аш-Шайх (1412–1421) являлся выходцем из княжеской династии Кремука (Кемиргоя). Изучение мамлюкских источников позволило автору скорректировать привычную систему представлений о цикле преданий об Инале и легендарном сирийском (арабском) происхождении черкесских князей. 6) К числу новаций относится серия наблюдений о взаимосвязи археологических памятников с генезисом АЭП. Важно, что привлечение археологических источников позволило С.Х. Хотко четко определить степень влияния христианских институтов и центров миссионерской деятельности.

Рассматриваемая нами диссертация вносит вполне очевидный вклад в развитие отечественной исторической науки не только в плане кавказоведения, но и истории межцивилизационных и межнациональных контактов. Ре-

зультаты исследования, мы уверены, будут иметь дальнейшее применение: при проведении обобщающих исследований по истории Северного Кавказа и написании учебных пособий.

Первая глава диссертации посвящена теоретическим, историографическим и источниковедческим основам предпринятого исследования. В параграфе **I.1** «Теоретические основы исследования» автор удачно, на наш взгляд соединил историко-философские подходы ряда теоретиков исторического процесса с актуализированными в диссертации проблемами генезиса АЭП. Прежде чем приступить к анализу теоретической основы, С.Х. Хотко дает небольшой очерк адыгского этногенеза. Подчеркивается этногенетическая и культурная преемственность адыгов XIII–XVI вв. в отношении населения домонгольской Зихии, а также всего протяженного периода местной истории от меотской эпохи до формирования значительного и культурно цельного пространства раннесредневековых адыгов хазарского времени. При этом, автор придает выдающееся значение такому действительно фундаментальному фактору как влияние географических (природно-климатических, ландшафтных факторов). Регион Северо-Западного Кавказа стал для адыгского этноса «месторазвитием» (П. Милюков), определившим характер процесса этногенеза и характер протекания основных культурных и военно-политических процессов. Благодатный равнинно-горный лесной регион с обилием водных ресурсов и плодородных почв способствовал устойчивому развитию автохтонного этноса. Соединение бассейна реки Кубань с горной системой Северо-Западного Кавказа, прилегание адыгского месторазвития к двум морям (Азовскому и Черному), предопределили высокий уровень контактности со значительной группой исторических соседей, как в лице мировых империй, так и череды кочевых этносов, подходивших вплотную к адыгскому региону через евразийский степной коридор. К очевидным достоинствам диссертации стоит отнести наблюдения автора, касающиеся влияния Степи на генезис АЭП. Фактически, автор приходит к выводу о том, что тысячелетнее взаимодействие автохтонного земледельческого населения Севе-

ро-Западного Кавказа с этносами степи сформировало адыгский этнос. Контактность с кочевниками и кочевническими государствами анализируется на основе концепций А. Тойнби (вызов и ответ, стимулы удара, давления, освоения новых земель) в сочетании со взглядами В. Ключевского (роль леса и речных ресурсов в русской истории), Ф. Броделя («острова на суше»). В совокупности, это позволило автору диссертации создать органически соединенный комплекс теоретических наблюдений, на основе которого объяснены основные этнополитические процессы адыгской истории.

Историографический раздел (II.2) диссертации С.Х. Хотко включает исчерпывающее описание работ, в которых затрагивались все основные проблемы, связанные с темой генезиса АЭП. Историография темы разделена хронологически на три больших этапа, каждому из которых дана обобщающая характеристика. Прослеживаются изменения в восприятии целого ряда проблем, истоки устойчивых историографических клише. Историографический анализ носит концептуальный характер, позволяющий автору оценить и правильно использовать разноуровневые и разноплановые исследования своих предшественников. При анализе историографического факта С.Х. Хотко опирался на так называемый ценностный подход, на основе которого выявляются влияния времени, идеологии, научных методов и принципов, присущих тому или иному автору.

Точно так же стоит охарактеризовать раздел, посвященный источниковой базе исследования (III.3). Он производит самое позитивное впечатление как строгой систематизацией источников (по типам и видам), так и весьма внушительным собранием источников. Необходимо заметить, что работа основана на большом количестве археологических публикаций, вводящих в научный оборот археологические памятники АЭП XIII–XVI вв. Новационный характер носит включение в источниковую базу многочисленного корпуса картографических памятников. Здесь стоит упомянуть, что автор является автором двух монографий по исторической картографии региона Северо-Западного Кавказа. Источники, связанные с контактами АЭП с мамлюк-

ским Египтом, показывают качественный рост самого автора по сравнению с его ранними исследованиями на мамлюкскую проблематику. В целом, исследование С.Х. Хотко значительно расширило источниковую базу темы АЭП.

Таким образом, 1-я глава диссертации носит не просто вводный, установочный характер, но является оригинальной исследовательской частью, без которой невозможно правильно оценить все исследование.

Вторая глава диссертации «Развитие адыгского этнополитического пространства, XIII–XVI вв.» состоит из шести разделов (параграфов) примерно равного объема, источниковой и историографической проработанности. Это в равной мере относится и к остальным (3-й и 4-й) главам.

Генезис АЭП начался задолго до XIII в. и, как нам представляется, Зихия IX–XII вв. также может быть охарактеризована как этнополитическое пространство (конфедерация племен или княжеств) адыгов. Мы поддерживаем подход автора, согласно которому Черкесия XIII в. является прямым этнополитическим продолжением Зихии XII в. Соответственно, преемственной является и этнонимическая традиция. С.Х. Хотко на основе тщательного сопоставительного анализа подчеркивает, что «адыгское» население весь период средних веков (вплоть до XVII в.) имело два внешних наименования: европейское (изначально греческое) – *зихи*, восточное (изначально тюркское или персидское) – *касоги* (кашак) и с XIII в. *черкесы* (чаркасы, джаркасы). Этот постулат о синонимичности зихов и касогов не является полностью новационным для отечественной историографии. В значительной степени и для больших исторических периодов эту синонимичность признавали А.В. Гадло, Н.Г. Волкова, другие исследователи. Но именно в диссертации С.Х. Хотко данное наблюдение приобрело концептуально заверченный вид. Автор уделяет большое внимание сопоставительному анализу документальных, нарративных и картографических данных по исторической этнонимии Северо-Западного Кавказа. «Страна черкесов», «земля черкесов», «вилайет черкесов», Черкесия, а также территориальные наименования (таманские черкесские беи, мамлюкские черкесские баны, кабардинские беи, пр.) показывают

нам «вписанность» черкесского этноса и пространства в систему международных отношений рассматриваемого периода.

Территориальный рост АЭП происходил за счет поэтапного освоения Восточного Приазовья и Центрального Предкавказья. По наблюдению С.Х. Хотко, при сохранении института старшего княжения, де-факто Черкесия была конфедерацией крупных феодальных владений. **Раздел II.2** «Черкесские княжества XIV–XVI вв.: вопросы формирования и взаимосвязи с субэтническими группами» является основным в плане понимания того, как было устроено АЭП. Княжества в эти века являлись основными подсистемами АЭП. С.Х. Хотко прослеживает следующий список княжеских владений: Хытук (Таманское владение с центром в Матреге), княжество Копы (южная часть Восточного Приазовья, прообраз Жанеевского владения), Собай (Западное Закубанье района рек Иль, Убин, Афипс, Шебш), позднее вошедшее в состав Хатукаевского владения; наиболее крупное владение Закубанья и, видимо отчасти и правобережья – Кремук (Кемиргой, Темиргой, от Афипса на западе до Лабы на востоке); Татаркос (Тазартуковское владение, позднее вошедшее в Бесленей, междуречье Лабы и Урупа); Киппике (владение рода Чупако или Шупако на черноморском побережье); Кабардинское владение (от Урупа на западе до Терека на востоке). По мнению С.Х. Хотко, ряд княжеств XV в. (по номенклатуре «племен» Барбаро это Собай, Киппике, Татаркос) в XVI в. перешли в разряд тлехотлешских (второй по степени знатности феодальный ранг) и вошли в состав новых княжеств, поделенных среди потомков Инала. Перспективным направлением, заданным в диссертации, является соотнесение локальных групп археологических памятников (курганых некрополей, городищ) с тем или иным феодальным владением.

В XIII–XVI вв., по мере увеличения территории расселения адыгов, в ареал АЭП были включены земли, населенные причерноморскими абазинами и убыхами (**раздел II.3**). Абазинские переселенцы на северный склон Большого Кавказского хребта, возглавлявшиеся собственными князьями, также оказались в составе АЭП. В диссертации приведен значительный и убедительный

тельно проанализированный материал по этнокультурному облику абазин и делается вывод о том, что этот автохтонный этнос в социо-культурном и политическом отношениях стал органической частью АЭП. К концу XVI – началу XVII вв. адыгское этнополитическое пространство стало, фактически, адыго-абазинским этнополитическим пространством.

Важнейший природный вызов существованию и успешному развитию АЭП бросила пандемия чумы середины XIV в. (раздел **II.4** «Фактор «Черной Смерти» (1346–1353 гг.) в генезисе адыгского этнополитического пространства»). Автор диссертации вводит в оборот значительный массив данных, описывающих причины относительной устойчивости населения АЭП. В частности, заслуживает большого внимания тот факт, что Северо-Западный Кавказ (весь регион по обе стороны ГКХ к западу от реки Теберда) не входит в ареалы природных эпизоотий чумы Кавказа и Восточной Европы. Косвенные, но многочисленные данные говорят о том, что черкесское население, хоть и пострадавшее от пандемии, продолжало расти и занимать порубежные территории. Так, золотоордынский город Шакрак, являвшийся опорным пунктом джучидской власти в Черкесии, прекратил свое существование, по всей вероятности, в результате пандемии и спровоцированного ею кризиса («великая заматня»). Осторожно привлекаемые автором свидетельства XVII – первой половины XIX вв., хорошо дополняют общую картину и представляют нам адыгскую систему жизнеобеспечения как главное условие успешного прохождения АЭП евразийского демографического кризиса XIV столетия. Этот наиболее оригинальный раздел диссертации показывает исследовательский потенциал автора и его способность осваивать междисциплинарный метод.

Культурное своеобразие АЭП отражено в двух разделах диссертации (**II.5** «Религиозный облик населения Северо-Западного Кавказа: христианские конфессии, этнические культы, начало процесса исламизации» и **II.6** «Комплекс всаднического вооружения у черкесов: формообразование, стиль, экспорт»). АЭП на протяжении всего рассматриваемого периода оставалось периферией увядающего мира восточного (византийского) христиан-

ства и постепенно становилось такой же периферией растущего в регионе Черного моря исламского мира. Автор прослеживает глубокие исторические и культурные причины периферийности АЭП. Наглядно продемонстрировано, что христианство в Зихии (Черкесии) так и осталось на уровне миссионерской деятельности и не пустило глубоких институализированных корней. Население АЭП хоронило, как правило, совершенно не по христианским нормам. Здесь крайне важно подчеркнуть введение автором значительного корпуса археологических данных (особенно по кремационным погребениям). Впервые им проделана работа по условному картографированию районов с христианскими погребальными памятниками и районов с подавляюще «варварским» погребальным обрядом. Деградирующее христианство в XIII–XVI вв. на уровне отдельных элементов обрядов и молитв вошло в преобладающую ткань местного тысячелетнего язычества.

Весьма контрастно на фоне периферийности религиозной культуры выглядит раздел об оружейной традиции Черкесии. В рассматриваемый период в источниках целого ряда стран (от Руси до Египта и от Литвы до Ирана) появляются упоминания передового в технологическом отношении и оригинального по оформлению комплекта наступательного и оборонительного вооружения, именуемого черкесским. Фактически, это явление говорит не только и не столько об усилении военно-политического и культурного статуса Черкесии, но об уникальном стечении на черкесской почве социальных и культурных факторов: развитой традиции производства оружия и конской упряжи, появление многочисленного дружинного слоя, создавшего свой особый кодекс поведения (местная оригинальная версия всаднического этоса), склонность в силу отсутствия унитарного государства к найму на военную службу ко дворам могущественных правителей Восточной Европы и Передней Азии.

Третья глава «Черкесия в системе международных отношений, XIII–XV вв.» показывает специфическое положение АЭП среди государств Восточной Европы и бассейна Черного моря. Государственная система в окон-

чательном институциональном виде не сложилась. «Страна черкесов» представляла собой сообщество княжеств с родственным населением и элитой. Общие военные угрозы заставляли эти княжества действовать заодно, вместе искать союзников и помогать друг другу в отражении крупных вторжений. Само определение «страна черкесов», которое часто использовалось в источниках данного периода, свидетельствует о том, что соседи черкесов считали их этнополитическое пространство достаточно цельным.

В разделе **III.1** С.Х. Хотко описал своего рода «алгоритм» военно-политического взаимодействия АЭП с государствами Степи. Подчеркивается, что каждый кочевнический этнос (вне зависимости от того, создал он унитарное государственное образование или существовал в виде автономных «улусов») начинал с экспансии в отношении АЭП, затем переходил в равновесное с адыгами состояние, а заканчивал либо военным альянсом (направленным против новой более агрессивной волны кочевнического движения на запад), либо даже некоторой зависимостью от черкесских княжеств. Этот «алгоритм» достаточно убедительно описан на примере трех «волн» кочевнической миграции: кипчакской, монгольской (золотоордынской и постзолотоордынской), ногайской.

Раздел **III.2** посвящен анализу политико-дипломатических и торговых связей Каффы и Черкесии (1266–1475 гг.). Данный анализ предпринят на основе, фактически, исчерпывающего набора источников и историографических работ. Впервые после фундаментальной работы Е.С. Зевакина и Н.А. Пенчко (1938) автору диссертации удалось продвинуть систему представлений о характере и масштабе контактов АЭП с акторами италийской колонизации в бассейне Черного моря (Каффой и Таной). Показано, что генуэзцам не удалось основать ни одной колонии на территории Черкесии. Их поселения и сама торгово-промышленная деятельность находились под контролем местной феодальной элиты. Тем не менее, интенсивная торговля между италийцами и черкесами носила взаимовыгодный характер, способствовала хозяйственному росту черкесских княжеств. Экспорт зерновых из Черкесии

был важен для Каффы и Генуи не только с торговой точки зрения (перепродажа в Трапезунд, Константинополь), но и с точки зрения обеспечения собственной продовольственной безопасности. С.Х. Хотко удалось обнаружить и ввести в научный оборот отечественного кавказоведения ряд сведений по проблеме генуэзско-черкесских отношений.

Раздел **III.3** посвящен формулированию версии о черкесском происхождении последней династии княжества Феодоро (Крымской Готии), 1403–1475 гг. Впервые эта версия была высказана одним из выдающихся специалистов по истории средневекового Крыма В.Л. Мыцем в 1991 г. Затем она была в более развернутом виде представлена в его большой работе 2009 г. К сожалению, данное направление научного поиска очень долго оставалось без внимания историков-кавказоведов. Между тем, специалисты по истории Кавказа традиционно испытывали определенный интерес к проблематике этнокультурных контактов с Крымом, поскольку географическая близость и историческая закономерность таких контактов (в античную эпоху, в византийский период, в крымско-татарский период) не вызывает сомнений. В рамках исторического адыгovedения сохранялся историографический штамп, заложенный трудами авторов XVIII–XIX вв., согласно которому кабардинцы объявлялись выходцами из Крыма, с этим полуостровом связывалась история княжеской династии легендарного Инала. В основном, этот штамп возник на почве концентрации топонимов с основой на этноним *черкес* и определение *черкесский*, наблюдаемой в историческом центре крымской Готии. В.Л. Мыц и Х.-Ф. Байер ввели в оборот новые важнейшие данные, согласно которым источники XV в. (трапезундский синаксарий и немецкая хроника с территории Молдавии, династически связанной с Мангупом) зафиксировали черкесское происхождение представителей правящей в этом княжестве семьи. В свою очередь, С.Х. Хотко сумел придать этой версии новое, хотя и не исчерпывающее видение. Проблема еще не приближена к той точке познания и анализа, после которой возможна ее однозначная трактовка. Это признает и сам автор диссертации, в выводе к разделу подчеркивающий, что нет доста-

точных оснований настаивать на черкесских корнях мангупской династии и что черкесское влияние могло ограничиваться присутствием в качестве наемного войска. Черкесское присутствие в южной гористой части Крыма в XV в. подчеркивает процесс демографического роста АЭП, усиление его влияния на соседние территории.

Раздел **III.4** представляет собой великолепный, тщательно выверенный и отражающий многолетнюю практику анализ геополитических и этнокультурных причин вовлечения населения Северо-Западного Кавказа в мобилизационную систему египетских мамлюков. На наш взгляд, этот раздел показывает историографическую и даже философскую зрелость автора диссертации, его способность к объективному анализу сложных научных проблем. Автору удалось предельно четко показать стечение геополитических факторов, в результате действия, которых население АЭП стало на протяжении XIII в. одним из основных доноров (наряду с кипчаками) военно-рабской системы египетских мамлюков. Кроме того, С.Х. Хотко показал, что само социально-политическое и культурное состояние АЭП также является одним из главных исторических условий масштабной принудительной «мобилизации» в мамлюкское войско. Автор совершенно справедливо отмечает крайне отрицательное влияние этой «мобилизации» на демографическое состояние Черкесии, ее социально-экономическое развитие.

Раздел **III.5** представляет нам своего рода этнокультурный портрет черкесских мамлюков. Актуализация данного вопроса связана с необходимостью: во-первых, показать, что черкесские мамлюки были действительно черкесами по происхождению, языку и культуре и, во-вторых, тем высоким уровнем информационной отдачи египетских источников (всего корпуса источников по мамлюкскому Египту) в плане изучения исторической этнографии адыгов.

Раздел **III.6** продолжает проблему мамлюкского рабства и посвящен оттоку населения АЭП через каналы средиземноморско-черноморской работорговли в страны Западной Европы. Автору удалось сформировать весьма

внушительную источниковую базу для анализа данной проблемы и учесть практически все важные публикации. В XV в., который можно считать периодом значительного территориального и демографического роста Черкесии, рабы обоего пола черкесского (зихского) происхождения составляли от одной трети до половины от всех так называемых восточных рабов на рынках Италии. Этот раздел в изложении С.Х. Хотко показывает необходимость изучения проблемы черкесского рабства для более точного анализа генезиса АЭП. В гораздо меньшей степени, чем египетские источники, итальянские источники (нотариальные акты) содержат ценные сведения по черкесской исторической этнографии и социальной истории.

Четвертая глава «Черкесия под воздействием Османской империи и Русского государства, XVI в.» раскрывает важнейшие аспекты окончательной фазы формирования АЭП. К началу XVI в. Черкесия становится наиболее крупной по территории и, можно полагать, населенности страной Северного Кавказа. Этот период можно считать временем наибольшего военно-политического влияния АЭП. Дальнейшее усиление АЭП было остановлено османо-крымской экспансией, рассматриваемой в четырех разделах диссертации (IV.1, IV.2, IV.5, IV.6). Начальная фаза османского наступления 1479–1519 гг. привела к установлению военного и административного контроля Османской империи над Таманским полуостровом. По наблюдению С.Х. Хотко, таманские черкесские князья стали вассалами османского султана и, таким образом, черкесское княжество Хытук сохранилось под османским протекторатом. Помимо Хытука, по всей видимости, султанская власть распространилась и на Жанеевское владение.

Новое наступление на Черкесию началось в 1539 г. и было возглавлено ханом Сахиб-Гиреем. Он совершил четыре масштабных экспедиции в глубинные районы Черкесии, поочередно разгромив жанеевцев, бжедугов, хатукаевцев и кабардинцев. События 1539–1551 гг. проанализированы С.Х. Хотко на основе выдающегося источника – «Истории хана Сахиб Гереея» Реммал Ходжи. Данный раздел (IV.2) является, фактически, первым обширным ис-

пользованием этого источника, которое, что весьма важно, снабжено наиболее основательным комментированием и сопоставлением данных Реммал Ходжи с известными документальными и нарративными источниками. Отметим, что впервые сведения Реммал Ходжи были кратко приведены в монографии В.Д. Смирнова (1887), затем более подробно, но, в основном, в рассказе в монографии Н.А. Некрасова (1991). С.Х. Хотко провел значительную работу по переводу источника с французского перевода О. Гёкбильгина и тщательно сопоставил географическую, и социальную номенклатуру терминов с турецким переводом этого же специалиста.

С.Х. Хотко довольно аргументированно показал, что именно походы Сахиб-Гирея, поддержанные организационной и огневой мощью османов, стали главным военным вызовом для АЭП на всем протяжении XV–XVI вв. Черкесская феодальная элита не смогла наладить оборону своей территории, население потерпело огромный гуманитарный и материальный урон. Масса людей была уведена в неволю. Более того, имели место массовые казни и экзекуции. Однако, парадоксальным образом, черкесам помогла османская власть, которая посчитала победоносного хана слишком самостоятельным и устранила его руками его же племянника: нового правителя Крыма Девлет-Гирея. С.Х. Хотко показал, что именно походы Сахиб-Гирея и его немотивированная жестокость стали основной причиной обращения черкесских князей за военной помощью к русскому царю. Автор диссертации, помимо прочего, сумел извлечь из труда Реммал Ходжи целый ряд важных сведений о внутривнутриполитическом состоянии Черкесии, взаимоотношениях феодальных родов и субэтнических групп.

Таким образом, османо-крымская угроза сплотила правящий класс АЭП и стимулировала невиданную для него дипломатическую активность. Военный альянс русских и черкесов стал причиной ослабления военно-политических позиций Османской Турции и Крымского ханства в регионе Северного Кавказа. Союз и вассальные отношения Черкесии с русским централизованным государством имели весьма длительные геополитические по-

следствия. После черкесских посольств 50-60-х гг. XVI в. власти Крыма и османское правительство избегали повторов той политики тотальной войны, которую проводил Сахиб-Гирей. На первый план вышли методы дипломатии и политики, привлечения на службу, подкупа и задабривания черкесских владетелей. Согласно наблюдениям автора диссертации, эта более гибкая стратегия со стороны Стамбула вкупе с резким ослаблением Москвы из-за затянувшейся Ливонской войны, привели после 1570 г. к установлению достаточно действенного военно-политического контроля над всей территорией Черкесии (за исключением Идаровой Кабарды).

Большой научный интерес в этой связи вызывает раздел **IV.5**, в котором обозревается вопрос черкесского участия на стороне Стамбула в османосефевидском конфликте 1578–1590 гг. На основе синтеза источников разного типа (османских хроник, русских посольских источников, адыгских фольклорных памятников) С.Х. Хотко приходит к выводу о том, что период этой войны стал временем наибольшего османского влияния в Черкесии и, в целом, на Кавказе.

После середины XVI в. АЭП оказалась в условиях длительного исторического этапа, сопряженного с постоянным лавированием между двумя ведущими акторами международных отношений в бассейне Черного моря – Османской и Русской державами. Русское воздействие на АЭП проанализировано автором в двух разделах диссертации (IV.3, IV.4). В отличие от всех остальных разделов диссертации эти параграфы нельзя назвать в высокой степени оригинальными в плане постановки проблем и привлекаемых групп источников. Данная проблематика относится традиционно в историческом адыговедении и, в целом, в российской исторической литературе к наиболее тщательно исследованным направлениям (С.А. Белокуров, Е.Н. Кушева, К.Ф. Дзамихов, др.). Тем не менее, С.Х. Хотко проделал самостоятельную работу над источниками, выявив, в частности, комплекс причин раннего (к 1562 г.) выхода Западной Черкесии (в лице Жанея и Бесленея) из союза с Москвой.

Диссертация завершается разделом о крымско-черкесских отношениях, наиболее узловых для всей истории АЭП как XVI, так и последующих двух веков. Крым в освещении С.Х. Хотко предстает как главный инструмент военного давления Стамбула и главная угроза политическому и культурному развитию АЭП. По мнению С.Х. Хотко, ханская власть почти никогда не распространялась в полной мере на черкесские княжества, даже наиболее тесно связанные с ним отношениями родства (подпараграф «Матримониальные связи с Гиреями в XV–XVII вв.»). Проблема институализации ханской власти в Черкесии, поставленная С.Х. Хотко, успешно и адекватно освещена им на множестве примеров. В диссертации хорошо показано, что ханская власть имела возможность довлеть над черкесами по преимуществу за счет унитарного характера государства крымских татар, при которой властитель имел возможность собирать большую армию. Но в совокупности, военный потенциал черкесов не уступал, если не превосходил крымско-татарский. В этом плане большой интерес вызывают такие подпараграфы как «Побеги Гиреев в Черкесию» и «Значение военного потенциала черкесов». Интересное наблюдение С.Х. Хотко состоит в констатации двойственности османской политики, осуществлявшейся в отношении татар и черкесов. С одной стороны, Порты помогала крымцам держать под контролем Черкесию, но с другой стороны, она же не допускала полного господства и слияния татар с черкесами в одну военно-политическую силу, потенциально опасную для османского контроля. Сильная сторона анализа крымско-черкесских отношений в изложении С.Х. Хотко состоит, как нам кажется, в полном изживании негативистских штампов, присущих существующей историографии Крымского ханства.

Было бы странно, если бы диссертация на столь сложную тему, требующую многолетнего и многомерного анализа, оказалась бы лишена недостатков. Нам видится, что такой очевидный недостаток состоит в недостаточном внимании автора к проблеме хозяйственного развития АЭП, которое не выделено им в самостоятельный раздел, но представлено фрагментами в нескольких разделах. Так, хлебный экспорт отнесен в раздел, посвященный

контактам с Каффой. К проблеме развития системы жизнеобеспечения автор обращается только как к вспомогательному материалу в рамках анализа влияния пандемии чумы на Черкесию. Из материальной культуры выделено, пусть и успешно, только развитие оружейного дела.

Второе наше замечание состоит в недостаточном освещении проблемы освоения адыгами Центрального Предкавказья. Здесь автор ограничился ссылками на ранние работы авторитетных исследователей и принял точку зрения о том, что начальная фаза адыгского переселения в Кабарду может быть отнесена к периоду после вторжения Тамерлана — условно ко всей первой трети XV в. В то же время существует и другая, как нам представляется, весьма фундированная точка зрения о том, что такое переселение могло происходить поэтапно и начаться еще в предмонгольский период.

Представляется также не достаточно аргументированной точка зрения автора диссертации о синонимичности терминов зихи и касоги. Строго говоря, этот постулат не столь уж важен для анализа этнонимии АЭП XIII–XVI вв., поскольку описывает ситуацию предшествующего периода. Выделение Касожского племенного союза, как протоадыгского, но отдельного от Зихии объединения, на основе которого могла развиваться кабардинская феодальная общность, является укорененным и обоснованным многими работами представлением.

В целом, подводя итог рассмотрению квалификационной работы С.Х. Хотко, считаем необходимым отметить ее высокий научно-исследовательский уровень, цельность и завершенность в плане освещения темы и оформления. Она является итогом многолетнего кропотливого труда автора.

Автореферат диссертации полностью соответствует всем основным положениям диссертации и дает полное представление о ее содержании и результатах.

С.Х. Хотко является автором девяти монографий по различным проблемам средневековой и новой истории адыгов, вышедших в свет на протяжении 1993–2015 гг. Им опубликовано 20 статей по различным аспектам его доктор-

ской диссертации в шести реферируемых изданиях ВАК, а также еще ряд статей данной направленности в реферируемых научных журналах и сборниках.

Квалификационная работа заслуживает высокой оценки. Авторский подход соответствует современным достижениям в области методологии истории, историографии и источниковедения с позиций историзма. Исходя из всего вышесказанного, совместное заседание сектора древней истории и археологии и сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН пришло к заключению, что диссертация С.Х. Хотко отвечает критериям, указанным в пунктах 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», а ее автор Хотко Самир Хамидович заслуживает присуждения ему степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Отзыв подготовлен зав. сектором древней истории и археологии, доктором исторических наук Б.Х. Бгажноковым и зав. сектором средневековой и новой истории, кандидатом исторических наук З.А. Кожевым. В обсуждении диссертации С.Х. Хотко приняли участие 12 сотрудников института, среди которых 3 доктора и 9 кандидатов исторических наук.

Отзыв обсужден и утвержден на совместном заседании сектора древней истории и археологии и сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН («26» октября 2017 г., протокол № 1).

Заведующий сектором
древней истории и археологии

 Б.Х. Бгажноков

Заведующий сектором
средневековой и новой истории

 З.А. Кожев

